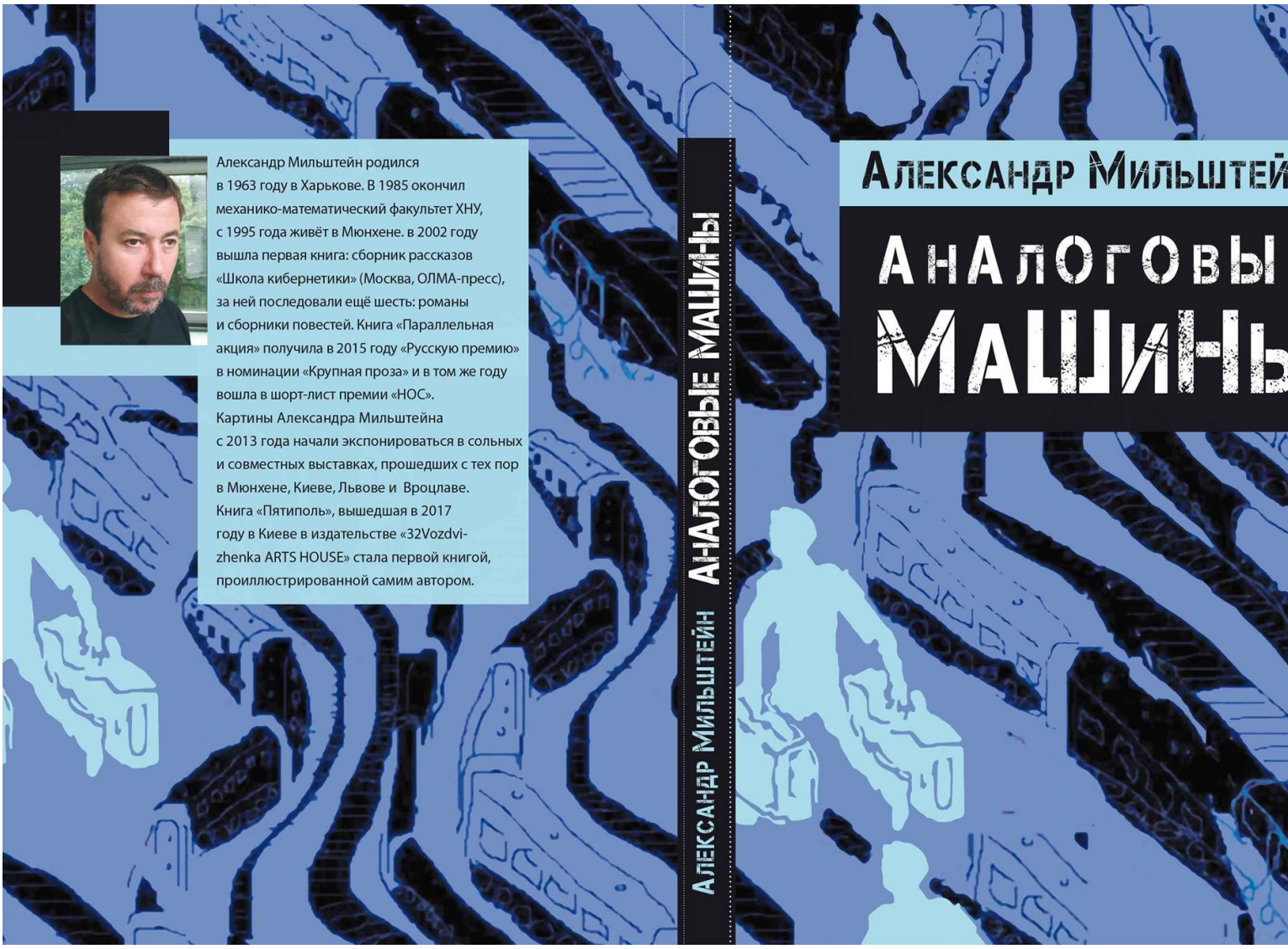
Фрагмент пятой главы романа «Аналоговые машины»

В киевском издательстве «Каяла» вышла новая книжка Александра Мильштейна «Аналоговые машины».

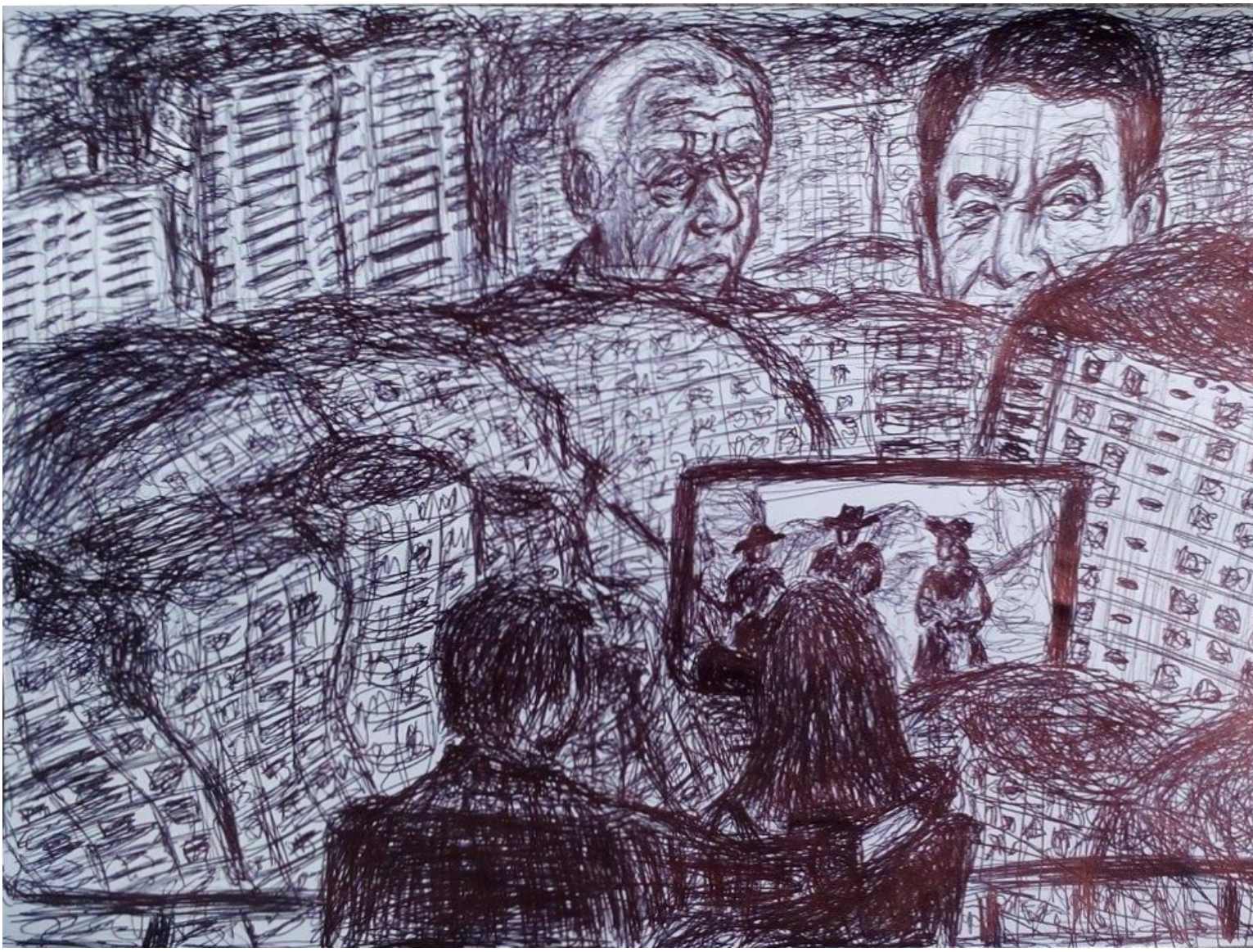
Эти несколько панельных — блочных — домов перед бесконечным чёрным полем напоминали начало микрорайона — на Салтовке, когда там «ещё ничего не было», или по крайней мере, так Сосновские говорили потом тридцать лет гостям, когда кто-то отодвигал занавеску и бросал взгляд наружу из их окна на бетонные соты, — «А когда мы сюда вселились, — говорили они гостю, — здесь, представьте себе, совсем ничего ничего ещё не было».

Но это было, по сути, стало у них, то есть, такой фигурой речи, да, в реальности же что-то было — всегда же что-то есть... и это что-то вокруг них тогда выглядело в точности так, как выглядело и вокруг него теперь, когда он поселился у Марины и в Марине — точно так же там (в детстве, в Украине) стояло несколько домов — на краю бескрайнего поля, недолго, но некоторое время оно всё стояло там именно вот так, одну осень примерно, так и стояло, да.

Славик вспомнил, как бы даже заново увидел в перископ — как мы смотрим и туда и сюда, — и сравнил два кадра, приложил один к другому и понял, что район, куда завезла его подвода

— как бы перемотанная назад плёнка дней его... А потом уже у них на глазах тогда (Славика, родителей и родителей родителей — все они переехали в большую квартиру — вместе) — в семьдесят первом-третьем-четвёртом, стали расти по кругу дома-дома... очень быстро, а в обратной перспективе вообще — это уж точно выглядело буквально вот именно так, что их окружил в одно утро очень плотный туман, и так никогда уже и не расступился, ну да.

Вышел месяц из тумана — вот именно, а потом — и год, а потом — и десять лет, и тридцать, ну — так вот вышло... Закрыв всё вокруг — горизонт и окоём, и дальний — Нагорный район, который видно было до этого вдали — и не только купол, но и всю каланчу Успенского... Теперь же вокруг были стены из серо-белых дней, простейшие пространственные фигуры — параллелепипеды, хромосомы хроноса — так, для красного словца, дешёвка, конечно, все эти наши попытки... «А какого цвета ничто?»... Ну да, вот именно — такого... а дома просто — из хроноса, ну да, может быть, и из вечности («...дома из бетона хрупки и бренны, — писал там в стиховую тетрадь подросток-Славик, — но люди из нервов бренны тем более...»), но такой, «извечной вечности», с расчётным сроком, этакая материя-память, жена-страна-субстанция, короче, их плотно тогда замотали в железобетонное «оно», в этакое нежелезнодорожное полотно, замуровали, казалось, то есть не только все взгляды — в этот бетон, жильцов, но и нежильцов — туда же, ну да...

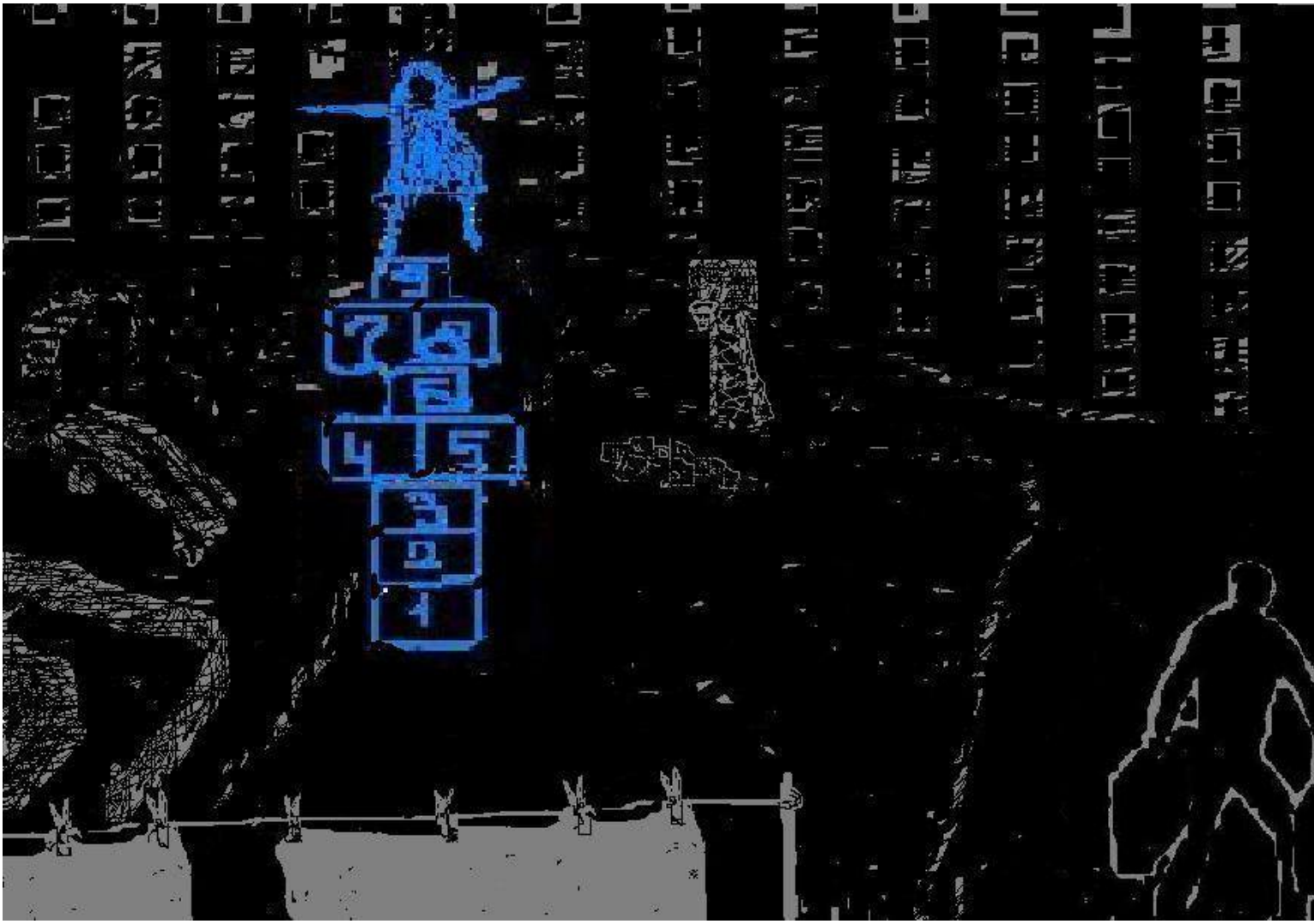
Ночью, правда, было красивее, как бы всё-таки «море огней» разверзалось, ну да, соты-пчёлы-светляки, «мама, а он живой или светится...».

Ну, так вот: здесь, у Марины, он попал как бы на тридцать лет назад — в тот ещё пренатальный, почти бетонный, эмбрион номер шестьсот восемь, микрорайон, ну да, в который они вселились в семидесятом, поскольку дома были из времени, причём вечно-ноябрьские такие, когда было солнце, они немного сжимались, в непогоду разбухали, естественно... Поэтому ничего странного — они вполне способны были предстать и к полю передом, и к прошлому — в прошлом своём, зачаточном, комплекте — и вот он теперь и жил, значит, как бы в материализовавшемся прошлом: только два-три серых прямоугольника, мимикрирующие под воздух сумерек, которые не исчезают в полдень, за ними поле выгоревших злаков, а микрорайона с 50000 чел. населения нет, как не было и в помине, не говоря уже о макрозастройке... т. е. обо всём будущем — о жилмассиве с населением в полмиллиона, вместо этого там было чистое поле совхоза «Кутузовский», засеянное, правда, уже и не рожью, и не кукурузой, а семенами какой-то новой культуры — из которых стали расти формы тумана, дыма, пара, в общем, дымящейся субстанции Соляриса... ну да, воссоздавшего ему тут заново... не жену — жена (в самом узком смысле, а не то, куда нас там заносило — жена-страна и всё такое, нет-нет) как раз была здесь другая, и даже не

«протез первой», нет... но вот окружение — вот оно было то самое — как бы взятый из детства энвайермент, ну да.

Закрывая глаза, он попадал туда внутрь — начало микрорайона, начало семидесятых, и там белели уже фундаменты будущих домов-коробок — уплотнений вещества времени, ну да, сколько ещё раз мы это повторим, интересно... Между которыми была глина, да, особенно в ненастье, которое — «мряка» (если не дождь, то что-то такое в воздухе, делающее его раствором, в котором вы тихонько шевелитесь, если вы уже счастливый жилец новостроек) — было постоянным состоянием, потому что они переехали в конце августа или начале сентября, а после осени, или даже в течение, вокруг них выросли чуть более плотные стены из того же вещества. Ну не все сразу всё-таки — несколько времени оставались просветы, даже кусочек старого города был ещё виден какое-то время — сквозь щелку толщиной в ножик в этом затворе тумана, ещё несколько лет, между домами N и N+2, это потом уже её прикрыли третьим домом, составленным из блоков того же вещества, но более дальним, ну да.

Между туманами почти не было асфальта — иногда появлялась кромка у входов в подъезды, и её снова быстро покрывал слой грязи, которую равномерно месили-распределяли подошвы жильцов, можно сказать, вокруг был один чернозём... на котором возвышались рыжеватые горы из глины, куда вполне можно было уйти с головой и выйти пластилиновым человечком... Так что лучше было туда не ходить, по этим горам, конечно, однако ночью, которая зимой наступала здесь ещё раньше — солнце быстро заходило за фасады, которые, сами будучи из временного раствора, влияли и на его ход — времени, как будто дома эти — серые льдины, и это тут такая полярная ночь, да... которой — ночью — можно было попасть в мокрую гору-трясину — запросто, поскользнуться-упасть — глина была скользкой и люди падали часто, пластилиновые взрослые люди смущённо улыбались в лифте, разводя чёрными руками... Странно было, что стены домов, в отличие от асфальта, оставались светло-серыми, ведь они жили в ту первую осень — на уровне ощущений, как бы в таком котловане, где разницы особой не было между направлениями — прямо или вверх, на юг или на север... По бледным панелям скакали на скакалках те же привидения (Славик их никогда не видел, но слышал, когда сидел дома за столом, да и кто-то же рисовал всё это на асфальте), что прыгали по горизонтальным островкам асфальта, когда они проступали перед домом — «классики», ну да — «земля и небо» на другом языке.

«Это просто земля и небо!» — говорили тогда родители, имея в виду «far cry of», или — «это как день и ночь», например, когда Славик переделывал правильно домашнее задание, или когда папа или мама меняли какую-то покупку в универмаге, случалось и такое: посовещавшись, скажем, костюм цвета маренго на цвета беж: «Вот, теперь совсем другое дело: просто как земля и небо!».

Или: «Как день и ночь!». Пока асфальт вновь не затаптывали в глину подошвы жителей микрорайона, и он снова становился похож, если не исчезал совсем, на овощи, которые жильцы покупали в овощном магазине, стоявшем в центре огромного двора. Уже были прямые стороны у него, и это уже был всё-таки скорее двор, чем котлован, по крайней мере пока не выросли тополя — как раз высотой с девятиэтажки... Но при этом стены этой огромной ямы оставались всё-таки бледными, как были изначально, грязь к ним не приставала, как к воздуху. Может быть потому, что они и были, по сути, воздух времени — законсервированный, вот мы и повторили это сто первый раз... Да хоть бы и тысячу первый — так они стоят и до сих пор, стало быть, воздушные катакомбы, мумифицированный воздух “великой” эпохи. Но тут — вот тут, где он теперь живёт, наш герой, наш человек, — в окне — если встать, открыть глаза и подойти к окну... ещё видно первобытное поле — всюду, куда простирается взгляд, да.

И вот иногда они играют там в такую древнюю полевую игру — ролевую, ну да, Марина

заплетает косы — невзирая на крики-просьбы Славика «Не делай этого! Я тебя прошу!», она сидит на стуле в центре комнаты и молча, упрямо делает это… Нет-нет не дреды, а вот именно косы — косички, хотя для Славика они как раз и есть — dreads of the world, ну да…

